

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1992 г.

КОБЯКОВСКИЙ КУРГАН

(К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов
I в.н.э. — начала II в.н.э.)

Кобяковский курганный могильник расположен на восточной окраине г. Ростова-на-Дону. Он занимает возвышенную часть плато коренного берега р. Дон к западу от Кобяковской балки и вплотную примыкает к грунтовому некрополю Кобякова городища I—III вв.н.э. Систематические исследования курганного могильника были начаты в 1983 г. отрядом Археологической лаборатории Ростовского университета. Эти работы показали, что могильник, сформировавшийся в эпоху бронзы, продолжал функционировать и в римское время: 5 из 11 исследованных курганов относятся к I—II вв. н.э.¹

Особый интерес представляет курган 10, содержащий единственное на сегодняшний день неразграбленное погребение I в.н.э. — начала II в.н.э. в серии захоронений высшей сарматской знати на Нижнем Дону. Наличие специальных публикаций избавляет меня от необходимости подробно описывать особенности ритуала и вещевой комплекс этого памятника². Вместе с тем в состав погребального инвентаря Кобяковского кургана входили предметы, происхождение и семантика которых заслуживают специального исследования. Имеются в виду диадема и гривна. Сложные композиции, украшающие эти изделия, очевидно, несут не только эстетическую, но и смысловую нагрузку. Рассмотрение этих предметов, с одной стороны, поможет нам яснее представить социальный статус погребенной в Кобяковском кургане молодой женщины, а с другой — обозначить культурный пласт, служивший питательной средой для формирования идеологии сарматов.

Опуская описание ситуации, в которой были найдены остатки диадемы, рассмотрим детали аппликации из золотой фольги, украшавшие кожаную повязку. В состав аппликации входили следующие элементы: фигурка дерева с двенадцатью парными по шесть с каждой стороны, загибающимися вниз ветвями, шесть

¹ Гугуев В.К. Кобяковский курганный могильник. Хронология и культурная принадлежность погребений римского времени // Тез. Первой Кубанской археологической конф. Краснодар. 1989. С. 94. сл.; Guguev V.K. The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery // Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, International Series, 278. Oxf., 1986. P. 71 f.; Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. № 2. С. 165 сл.

² Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // ИРОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988. С. 40—49; Guguev V.K. Ein reiches Sarmatengrab in Rostov am Don // Das Altertum. 1990. Bd. 36. Ht. 1. S. 37—42; Гугуев В.К., Прохорова Т.А. Комплекс золотых ювелирных изделий из кургана 10 Кобяковского могильника (на японск. яз.) // Каталог: The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Apr. 13 — May 26 1991. The Ancient Orient Museum. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. P. 111; Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142—161.

Рис. 1. Погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. Деталь

Рис. 2. Детали аппликации диадемы

фигурок оленей, показанных в позе «внезапной остановки», четыре фигурки орлов в геральдических позах, плоские округлые диски (рис. 1—2).

Вследствие различия оборотной и лицевой сторон и зеркальной симметрии фигурок орнаментальная схема диадемы реконструируется достаточно легко. В центре фриза находилось дерево. По обе стороны от него располагались фигурки оленей, по три с каждой стороны. Животные были обращены к дереву. В верхнем ярусе композиции была, вероятно, помещены фигурки орлов, по два с каждой стороны. Птицы были обращены в стороны от дерева (рис. 3). Диски, возможно, обрамляли всю композицию либо занимали верхний ярус вблизи дерева.

Очевидно особое сходство деталей кобьяковской диадемы и аналогичного украшения из кургана 46 у станции Усть-Лабинской I в.н.э. — начала II в.н.э.³ Оба венца сближает не только общность орнаментальной схемы, но и конструктивные особенности (аппликация) и значительное сходство стиля. Показательны близость поз животных, совпадение числа персонажей и даже таких микродеталей, как количество отростков рогов у оленей. Общим для обоих украшений является характер поверхности — гладкий, без какой-либо подработки тиснением или гравировкой. Отличают усть-лабинскую диадему от кобьяковской более разнообразный репертуар животных и размещение персонажей в композиции: в орнаментальную схему добавлены козел и животное, напоминающее зайца, в основании дерева горизонт «земли» передан в виде зеркально-симметричных полуфигур козлов, а птицы помещены на ветвях дерева и обращены в сторону ствола в профиль.

Очевидно, в результате ограбления усть-лабинского погребения детали диадемы сохранились не полностью. Однако универсальный для парадных головных уборов древности принцип горизонтальной симметрии относительно центра позволяет реконструировать орнаментальную схему украшения из Прикубанья. В центре композиции, очевидно, находилось дерево, а по обе стороны от него по принципу горизонтально-зеркальной симметрии располагались друг против друга обращенные в сторону ствола животные одного вида (рис. 3, 2).

Примитивный характер техники изготовления деталей аппликации усть-ла-

³ Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 17. Рис. 3.

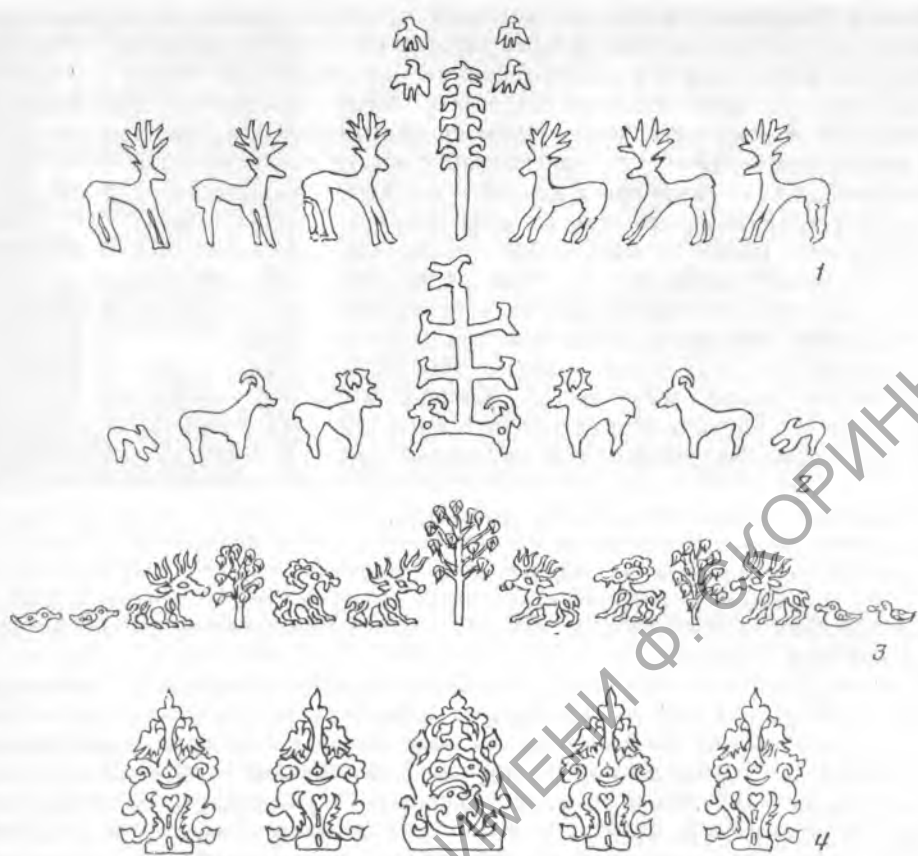

Рис. 3. Фризы диадем: 1 — Кобяковский курган, реконструкция; 2 — Усть-Лабинская, курган 46, реконструкция; 3 — Хохлач, часть фриза; 4 — Тилля-Тепе, погребение 6

бинской и кобьяковской диадем наводит на мысль о местном, варварском происхождении последних. Создается впечатление, что эти головные уборы являются грубыми репликами более искусных изделий, таких, как широко известная диадема из кургана «Хохлач» в Новочеркасске⁴. Верхняя часть фриза украшения из так называемого «Новочеркасского клада» имеет орнаментальную схему, чрезвычайно близкую рассмотренным выше диадемам (рис. 3, 3). Значительное сходство у этих трех украшений и в манере передачи фигур копытных — оленей и козлов.

Генезис сарматских диадем нуждается в специальном исследовании. По мнению В.И. Сарияниди, корона из Хохлача, равно как и детали подобных украшений из сибирской коллекции Эрмитажа, была изготовлена в Бактрии⁵. Рядом авторов ставился вопрос о типологическом сходстве хохлачской и усть-лабинской диадем с подобными украшениями из Тилля-тепе и раннесредневековых памятников Кореи и Японии⁶. Кобьяковская диадема, очевидно, относится к числу подобных аналогий. Близость стиля сарматских диадем и деталей деревянной

⁴ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, СПб., 1890. Вып. 3. С. 132 сл.

⁵ Сарияниди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. № 1. С. 83.

⁶ Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 176; Kato K. Sarmatian Arts and Their Surroundings. The Treasures of Nomadic Tribes ... P. 35.

аппликации головных уборов пазырыкской культуры Алтая⁷ позволяют предположить, что истоки подобного типа украшений лежат в искусстве кочевников Центральной Азии. Широкое использование композиций типа «птицы и копытные у древа» в оформлении парадных головных уборов объясняется особенностями их символики. В этой связи рассмотрим основные моменты, связанные с семантикой реконструированной орнаментальной композиции кобьяковской диадемы.

Обширное досье образов древа, оленей и хищных птиц, детально исследованное на материалах архаических текстов и фольклора Евразии⁸, схематично можно изложить в следующих тезисах. Древо — мировая ось, медиатор, связывающий верхний и нижний миры, символ плодородия, вечно обновляющейся природы, источник плодов, из которых изготавливается напиток бессмертия, жертвенник, место обитания священных птиц, ипостась божества демиурга и богини плодородия, место, где находятся солнце, священный огонь, золотые атрибуты (плоды, цветы, листья, руно и т.д.). Хищные птицы (орлы, вороны и др.) — медиаторы трех сфер мироздания, обитатели и хранители древа жизни, обладающие плодами, дарующие бессмертие, разносящие его животворящие семена, носители земного и небесного огня, олиетворяющие солнце, обладающие золотым блеском. Олени — медиаторы, имеют доступ в верхний и нижний миры, обладают способностью перемещаться по небу («небесный олень» с быстротой птицы, воздействуют на размножение скота, их рога идентифицируются с ветвями древа жизни, золотом и солнцем, отождествляются с Хозяйкой мира, шаманом, вождем, жрецом. Золотые диски — плоды древа жизни (ср. «золотые яблоки»), источник плодородия и бессмертия.

Таким образом, в своих основных функциях все персонажи кобьяковской диадемы синонимичны, являются медиаторами трех сфер мироздания и носителями животворящего начала. Это подтверждается и случаями изображения древа, птицы и оленя в одном синкретичном образе⁹. Показательно, что орнаментальная схема кобьяковского украшения, равно как усть-лабинской и хохлачской диадем, относится к числу так называемых горизонтальных зеркально-симметричных композиций. Установлено, что подобные композиции символизируют идею постоянного возобновления жизненного цикла и связаны с моделью мира древнего населения Евразии¹⁰.

Техника изготовления диадемы — аппликация из тончайшей золотой фольги — свидетельствует о том, что головной убор кобьяковской сарматки был парадным и не употреблялся в повседневной жизни. Не исключено, что диадема специально предназначалась для погребального обряда в качестве своеобразного фетиша-посредника, маркирующего роль погребенной как медиатора между земной и небесной сферами. Вероятно, определенную семантическую нагрузку несет и количественный набор персонажей в орнаментальной фризе кобьяковской диадемы. Четыре орла, очевидно, обозначают в данной композиции стороны света (ср. четыре водоплавающие птицы в верхнем ярусе хохлачской диадемы, четыре птицы на ветвях плюс одна на вершине древа усть-лабинского украшения).

Показательны следующие совпадения чисел у трех рассмотренных выше сарматских диадем: шесть животных обращены к древу, шесть отростков рогов у оленей. Двенадцать ветвей кобьяковского древа разделены на три яруса по четыре ветви в каждом, что соответствует четырем ветвям усть-лабинского древа. Таким образом, система чисел, зафиксированная в орнаментальной фризе

⁷ Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 94—120.

⁸ Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 398—406.

⁹ См., например: Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества г. Новочеркасска / Сост. Б.А. Раев. Новочеркасск. 1979. Табл. 20, 1; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 221.

¹⁰ Демирханян А.Р. К мифопоэтическим истокам геральдических композиций // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 131—139.

Рис. 4. Гривна: а — общий вид; б — развёртка (рисунок автора)

кобьяковской диадемы, может быть выражена как 4:12:6. Интересно, что подобное соотношение является достаточно устойчивым для схемы типа «птицы у древа жизни» и зафиксировано в фольклоре: «Стоит дуб о двенадцати ветвях, на каждой ветке по четыре гнезда, в каждом гнезде по шесть простых яиц, а седьмое красное»¹¹. Показательно, что число семь в приведенном выше тексте фигурирует как производное от шести, что характерно и для образования числа пять в мифопоэтической и изобразительной традиции и связано с принципом зеркальной симметрии схем мироздания (ср.: шесть оленей плюс древо, четыре птицы на ветвях плюс одна на вершине). Подобный числовой код имеет следующую символику. Число семь характеризует саму идею вселенной, четыре — образует статичную целостность и равно сторонам света, двенадцать — имеет зодиакальный смысл, пять — одна из характеристик макро- и микрокосма (четыре стороны света плюс центр)¹².

Следует отметить, что набор образов — хищная птица, олень, древо (или его изоморфы — пальметка, розетка) — фигурировали на парадных облачениях сарматской знати в виде золотых тисненых бляшек («Хохлач»; Алитуб, курган 26). Часто подобные бляшки схематизированы, однако в них угадывается мотив рогов и стилизованного древа¹³. Очевидно, эти бляшки, являясь элементом композиции вышивки, представляли собой семантический эквивалент (часть от целого) модели вселенной типа «птицы и копытные у древа жизни».

Головной убор сарматки из Кобьяковского кургана соответствовал и другим деталям погребального инвентаря. На шею погребенной была надета ажурная

¹¹ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 128.

¹² Гопоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1980. С. 630.

¹³ Засека И. П. Зооморфные мотивы в сарматских бляшках // Античная торговка. Л., 1986. С. 130—132.

Рис. 5. Гривна. Вид сбоку

Рис. 6. Гривна. Центральная часть

Рис. 7. Гривна. Вид сбоку

Рис. 8. Гривна. Деталь

двучленная соединенная шарнирным замком золотая гривна, инкрустированная бирюзой (рис. 1, 4—13). Украшение выполнено в технике чеканки с подработкой резцом. Фриз гривны содержит сюжетную композицию, построенную по геральдической схеме. В центре ее находится мужской персонаж — бог или герой, сидящий на коврик, скрестивши ноги «по-восточному». У него густая шапка разделенных на пряди волос, усы и борода. Лицо персонажа широкоскулое, европеоидное (рис. 9). Нос плавно изогнут, с широкими крыльями. Округлые выпуклые глаза широко открыты; губы плотно сжаты. Одет герой в кафтан с глубоким вырезом на груди, сборенными рукавами; узкие штаны заправлены в сапоги с застежками. В руках он держит кубок, на коленях в ножнах лежит меч. Меч героя имеет средние размеры (рис. 10). Однако не исключено, что его длина ограничена вследствие стремления мастера вписать оружие в контуры фигуры. Рукоять меча имеет подтреугольное навершие. Перекрестие не проработано, но не исключено, что оно «утоплено» в ножнах. Ножны оформлены тремя продольными желобками. Ближе к рукояти на ножнах помещена уплощенная прямоугольная площадка, очевидно, воспроизводящая скобу из камня или металла. По обе стороны от центрального персонажа, как бы на заднем плане, в перспективе, двумя вертикальными полосками с имитацией «косички» обозначен проем, образующий в сочетании с ковриком, на котором находится герой, некое подобие трона.

Слева и справа от центральной фигуры композиции, а также на короткой части гривны трижды повторяется сцена борьбы дракона с тремя зоантропо-

Рис. 9. Гривна. Деталь

Рис. 10. Гривна. Деталь

морфными существами, вооруженными палицами и одетыми в стилизованный пластинчатый доспех. Одно из таких существ, став на правое колено (левое пытается укусить дракон) и схватив левой рукой загривок чудовища, замахивается правой рукой с зажатой в ней палицей (рис. 11). Другое существо, оседлав дракона и схватив его за крыло, пытается нанести ему удар аналогичным предметом (рис. 12). Третья фигура, расположенная анфас, держит дракона за хвост (рис. 13).

Зооантропоморфные персонажи гривны синкретичны. В их облике причудливо соединились хищно оскаленные зубастые пасти, трехпалые лапы и руки с тщательно моделированными пальцами с ногтями. Выделить в образе этих демонов видовые признаки какого-либо конкретного животного проблематично. В отличие от зооантропоморфных персонажей в изображении дракона отчетливо прослеживается морфология реального зверя — волка. В дракона он превращен с помощью гипертрофированно вытянутого тела и крыльев. Фантастичность зверя усилена с помощью придания ему серповидно изогнутой бороды, изображения аналогичной детали под брюхом, а также неестественно длинного хвоста. На спине дракона возле крыла показана непонятная деталь — за нее держится зооантропоморфный персонаж (рис. 6—7, 12). Различия в форме этой детали в правой и левой частях композиции наводят на мысль, что их назначение было неясно мастеру, использовавшему при изготовлении гривны цитату, взятую с какого-то изобразительного памятника.

На всех изображениях, за исключением центрального персонажа композиции, имеются гнезда различной формы, инкрустированные полированной бирюзой зеленовато-голубоватого цвета. Отдельные вставки утрачены, другие имеют следы вторичного использования. Инкрустация полностью отсутствует на короткой части украшения.

Обращает на себя внимание явно восточное происхождение изделия, которое отчетливо прослеживается не только в отмеченном выше способе инкрустации бирюзой, но и в облике центрального персонажа гривны. Поза героя, его антропологический тип, костюм свидетельствуют, что он наделен чертами «этнографического реализма» ираноязычных кочевников.

По-видимому, наиболее раннее изображение персонажа со скрещенными «по-турецки» ногами происходит из Ирана и датируется IV—III тыс. до н.э.¹⁴ Известна эта поза в изобразительных памятниках Центральной Азии второй половины I тыс. до н.э.¹⁵ и в галло-римской пластике¹⁶. Однако как иконографический канон сидячая поза персонажей со скрещенными ногами укореняется

¹⁴ Pope A., Ackerman R. A Survey of Persian Art. V. IV. L.—N.Y., 1938. Pl. 17, A.B.

¹⁵ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М.—Л., 1962. Вып. Д 3—9. Табл. VII, 1,7; Мартынов Г.С. Иссыйская находка // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 154. Рис. 66, 1—2.

¹⁶ L'Art celtique en Gaule. Catalogue. Collections des musées de Province. 1983—1984. Marseille — Paris — Bordeaux — Dijon. S.a. P. 135—136, 156—157.

Рис. 11. Гривна. Деталь

Рис. 12. Гривна. Деталь

Рис. 13. Гривна. Деталь

в передне- и среднеазиатском регионах около рубежа нашей эры: бактрийское зеркало из Соколовой могилы с ручкой в виде мужской фигуры с ритонном¹⁷, фигурки «музыкантов» из Тилля-Тепе¹⁸, оссуарий с фигурой воина из Кой-Крылган Калы¹⁹.

Костюм героя кобьяковской гривны известен в иконографии со скифской эпохи как в сако-массагетском мире²⁰, так и у населения Северного Причерноморья²¹. Сохранение его на тех же территориях в первые века нашей эры²², вплоть до раннего средневековья²³, свидетельствует о его традиционности в среде ирано-язычных кочевников.

Кубки, подобные сосуду, помещенному в руках центрального персонажа гривны, известны у скифов²⁴ и сарматов²⁵. Наиболее близкие параллели этой форме происходят из сарматских курганов I в. н.э.²⁶ Эти кубки изготовлены из золота и серебра и снабжены реалистично выполненными зооморфными ручками. Обилие в могилах сарматской знати металлических, как правило золотых, скреп и находка целого деревянного кубка в погребении конца II в. н. э.²⁷ наводят на мысль о широком распространении подобных сосудов у сарматской аристократии. Консервативность формы, специфический подбор материала (золото, серебро, дерево), высокий художественный уровень отделки в сочетании

¹⁷ Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в.н.э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 68—70. Рис. 70—73.

¹⁸ Сарцианиди В.Н. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 66. Рис. 23.

¹⁹ Рапопорт Ю.А. Хорезмийские оссуарии // Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 23 сл.

²⁰ Руденко. Ук. соч. Табл. VII, 1,7; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 94. № 79.

²¹ См., например: Ильинская, Тереножкин. Ук. соч. С. 131, 135, 213, 217; Мелюкова А.И. Скифская материальная культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. Табл. 34, 1—6.

²² Сарцианиди. Храм и некрополь Тиллятепе. С. 59. Рис. 18; С. 88. Рис. 32; Лукоцин В.Г. Иран в III веке. М., 1979. Рис. 18, 19; Алексеева Е.М. К изучению коропластики Горгичпи // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 21 сл. Рис. 1, 7а.

²³ Древности Таджикистана. С. 134. № 359, 360.

²⁴ См., например: Рябова В.А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 141. Рис. 1, 1.

²⁵ См., например: Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Погребения знати у с. Пороги. Киев. 1991. С. 58—59. Рис. 30, 1—4.

²⁶ Там же. С. 59. Рис. 30, 2—4.

²⁷ Могилиник Валовый, к. 25, раскопки Е.И. Беспалого, 1987 г.

с данными античной традиции по мифологии скифов свидетельствуют об использовании кубков в качестве ритуальных сосудов, сакрализованных в среде ираноязычных кочевников.

Восточные параллели имеет меч героя. Такие мечи не известны в скифской и сарматской иконографии. Отдаленные аналогии ему имеются на рельефах Гандхары²⁹, наиболее близкая — на рельефе храма I Хатры²⁹.

Не менее показателен костюм зоантропоморфных персонажей гривны. В нем распознается кушанский доспех. Он состоит из пластинчатого панциря с прилегающей верхней частью и расширяющейся короткой юбкой. Панцирные пластины отличаются крупными размерами. Наиболее близкие аналогии этому доспеху можно видеть в кирасах, изображенных в скульптурной композиции зала дворца в Халчаяне, датируемого рубежом нашей эры³⁰. Удлиненный вариант кушанского доспеха показан на монетах индо-сакских правителей Гандхары рубежа н.э.³¹, а также детально проработан на костяной пластине с изображением батальной сцены из Орлатского могильника в Узбекистане³², датируемой, вероятно, тем же временем. Не менее интересны предметы, которыми вооружены зоантропоморфные существа (рис. 12). Эти дубинки, если принять рост персонажей соответствующим человеческому, наиболее близки бронзовым палицам длиной 30—40 см, обнаруженным в курганах Ноин-Улы, датирующихся рубежом нашей эры. А.И. Бернштам проводил параллель между этими палицами и оружием, обозначенным в китайских источниках названием «чи»³³.

Ряд стилистических деталей кобьяковской гривны обнаруживает значительное сходство с золотыми украшениями царского некрополя Тилля-Тепе рубежа нашей эры. Это прежде всего богатая и разнообразная по форме инкрустация бирюзой. Из семи основных форм гнезд для вставок (кастов) кобьяковской гривны (миндалевидные, прямоугольные, в виде параллелограмма, запятой и т.д.) шесть практически в тех же сочетаниях присутствуют на серьгах, пряжках и ножнах кинжала из Северного Афганистана³⁴. В одинаковой манере — перевитым жгутом и насечками проработаны бороды и гривы волгоголовых драконов кобьяковской гривны и чудовищ, изображенных на тилля-тепинских ножнах³⁵. Характерным представляется прием, когда инкрустация, обильная в изображении животных, скудна или полностью отсутствует при передаче антропоморфных персонажей, что также сближает бактрийские изделия с кобьяковской гривной. Вероятно, к особенностям стиля, объединяющим тилля-тепинские и кобьяковские украшения, следует отнести некоторые нарушения пропорций человеческого тела, в частности, изображение у персонажей непропорционально крупных голов³⁶. Отмеченное выше стилистическое сходство, как представляется, свидетельствует в пользу общности происхождения и хронологической близости кобьяковской гривны и ювелирных изделий из Тилля-Тепе. Как будто дополнительным аргументом к датировке гривны рубежом нашей эры служит изображение

²⁹ Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М., 1982. С. 123. Рис. 129; С. 130. Рис. 136; С. 145. Рис. 153.

³⁰ Brentjes B. Die iranische Welt vor Mochammed. Lpz, 1978. Taf. 96.

³¹ См., например: Горелик М.В. Кушанский доспех // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982. Табл. 1, 2; он же. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 368. Рис. 2, 7.

³² Горелик. Сакский доспех. С. 368. Рис. 2, 6; Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 207. Рис. 4, а, б.

³³ Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. С. 149. Рис. 71; Brentjes B. Zu den Reiterbildern von Kurgan-Tepe // Iranica Antiqua, 1990. V. XXV. S. 177. Abb. 4.

³⁴ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 41—43. Рис. 8.

³⁵ Саруаниди. Храм и некрополь Тиллятепе. С. 95. Рис. 33; С. 116. Рис. 43; С. 125. Рис. 44.

³⁶ Saruianidi V.I. Bactrian Gold. Leningrad—Vienna, 1985. Fig. 160—166.

³⁷ Ibid. P. 133. Fig. 77—79; P. 98. Fig. 45—47.

морфологически близких украшений на каменных рельефах правителей Коммагены — Митридата Калиника (100—70 гг. до н.э.) и его сына Антиоха I (69—36 гг. до н.э.)³⁷. Таким образом, датировка гривны оказывается несколько моложе археологического комплекса, в котором она была найдена. Это представляется закономерным, так как характер изображения заставляет видеть в гривне мужское украшение. Не будучи специалистом по иранистике и фольклору, выскажу лишь некоторые соображения общего характера о семантике композиции рассматриваемого украшения.

Прежде всего обращает на себя внимание наличие у центрального персонажа композиции двух атрибутов — меча и кубка, символизирующих совмещение им двух функций: воинской и жреческой. Медитирующая поза героя позволяет предположить, что в представленном сюжете основной его функцией была сакральная, в качестве посредника, соединяющего сферы мироздания. Для реконструкции сюжета в целом важно наличие у демонов антропоморфности и воинских атрибутов — доспеха и дубинок, что намекает на функциональную связь этих персонажей с центральным героем композиции. Можно предположить, что зоантропоморфные персонажи эквивалентны главному герою — выступают как его спутники или ипостаси. Очевиден относительно вялый характер борьбы дракона с демонами — представлена сцена усмирения, а не смертельной схватки. Типологически данный сюжет может быть поставлен в один ряд со сценой стреноживания скифами коня на Чертомлышской амфоре. Это впечатление усиливается из-за размещения одного из демонов верхом на драконе. Статичность композиции в целом наводит на мысль о наличии иконографического архетипа, к которому генетически восходят помещенные на гривне сцены. Не исключено, что при использовании цитат мастер-бактриец преобразовал маски или зооморфные шлемы персонажей в головы фантастических зверей, что, впрочем, относится к разряду догадок.

Видимо, не случайно композиция кобьяковской диадемы имеет подчеркнuto троичный характер: три демона, трижды повторена сцена борьбы мифических персонажей. Представленный на кобьяковской гривне сюжет на уровне общемифологического пласта относится к типу АТ 301 (по Аарне—Томпсону) драконоборческой тематики. Принимая во внимание изложенные выше соображения, в центральном персонаже композиции гривны можно предполагать героя, типологически восходящего к образу Триты-Траетоны-Фаридуна-Таргитая, отца трех сыновей, персонифицирующих три сферы мироздания (ср. топографическое размещение зоантропоморфных персонажей относительно дракона — у хвоста, на крупе, в изголовье), трехкратного победителя дракона, обладающего способностью к зооморфным перевоплощениям³⁸. Некоторую близость с композицией кобьяковской гривны обнаруживает сюжет, помещенный на одной из луристанских бронз. В верхней части этого украшения изображено трехликое божество, сражающееся с чудовищами, а ниже три зоантропоморфных персонажа и хищник кошачьей породы, размещенные друг относительно друга по схеме, близкой к кобьяковскому украшению³⁹.

Характерно, что фриз гривны содержит частный случай горизонтальной зеркально-симметричной композиции — «государь-драконоборец». Как и композиция типа «птицы и копытные у дерева», украшающая диадему, этот сюжет имеет непосредственное отношение к «основному мифу» и символизирует идею постоянно возобновляющегося жизненного цикла, превращения хаоса в космос. Таким образом, диадема и гривна как бы дублируют и в то же время дополняют друг друга в части иллюстрации фольклорного сюжета типа АТ 301, превращаясь

³⁷ Wagner J. *Dynastie- und Herrscherkult in Kommagene. Forschungsgeschichte und neuere Funde* // *Ist. Mitt.* 1983. 33. Taf. 49.

³⁸ Раевский Д. С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М., 1977. С. 82—85.

³⁹ Ghirshman R. *Iran, Protoiranier, Meder und Achämeniden*. München, 1964. Abb. 90.

в целостную индоевропейскую космограмму. Это предположение может служить объяснением факту находки в погребении знатной сарматки мужского (?) украшения с изображением подвигов героя-драконоборца.

Кобяковская гривна в отличие от рассмотренной выше диадемы, вероятно, изготовленной специально для погребальной церемонии, бесспорно служила при жизни ее владельцам. Об этом свидетельствуют утрата части инкрустации, наличие отдельных вставок со следами вторичного использования. Функционально в обряде обе регалии, вероятно, символизировали инвенституру в потустороннем мире.

Конечно, инсигнии власти, найденные в сарматских курганах, не обязательно соответствуют рангу погребенных в них вождей, так как могли быть получены в качестве военных трофеев. Так, курган в могильнике Дачи под Азовом имел довольно скромные размеры по сравнению с роскошью и высоким художественным уровнем изделий, входящих в состав погребальных приношений⁴⁰. В Кобяковском кургане, первоначально имевшем значительные размеры, диадема и гривна соответствовали другим предметам погребального инвентаря: браслетам из золота с изображением ритмического ряда грифонов, вероятно, бактрийского происхождения⁴¹, плакированной золотом конской узде, в состав которой входили фалары с львиными масками, золотому флакону, орнаментированному в зверином стиле, топору, расшитому золотыми бляшками костюму. Эти изделия дублировали комплекс идей солярно-вегетативного цикла, которые в концентрированном виде символизировал головной убор погребенной. Особого внимания заслуживает наличие в могиле двойного комплекта курильниц — алтарей в миниатюре, что подчеркивает особую роль погребенной в сфере культа. Обилие символов солярно-вегетативной тематики — кроме перечисленных предметов в могиле были найдены скарабей, сосуд в виде барана, ханьское зеркало — позволяет предположить, что погребенная при жизни выполняла функции жрицы божества вечно обновляющейся природы, типологически близкого Ардвиги Суре-Анахите. Очевидно, кобяковская жрица занимала высокое положение в системе социальной иерархии ираноязычных кочевников. Судя по богатству и характеру погребального инвентаря, включавшего сакрализованные у иранцев инсигнии власти, она могла быть женой вождя, близкой по статусу легендарным сарматским царицам. Археологически наличие особого «царского» рода у сарматов I — начала II в.н.э. подтверждается существованием курганов, обладающих следующим набором признаков: погребения в квадратных или обширных прямоугольных с длиной сторон свыше 3 м ямах под крупными, высотой от 1 до 3 м насыпями⁴². Характерной чертой этой группы является специальное оформление материкового выкида вокруг могилы, помещение на древнем горизонте социально престижного инвентаря: бронзовых котлов, импортной металлической посуды, амфор, предметов культа, золотой сбруи и оружия, инсигний власти. Среди приношений и погребального инвентаря в этих курганах чаще всего встречаются драгоценные изделия восточного происхождения.

Отдельные находки восточных импортов в сарматских погребениях Подонья относятся еще к раннесарматской культуре⁴³. Однако массовое распространение восточных предметов на Нижнем Дону как и в целом в Северном Причерноморье приходится на сарматские курганы I в.н.э. — начала II в.н.э. К числу наиболее

⁴⁰ Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1. С. 175—190.

⁴¹ Guguev V.K. Complex of the Gold Jewelry from Barrow 10 of the Kobiakov Pit Burial // International Symposium: Ancient Jewelry and Archaeology. Bloomington, Sept. 26—28, 1991 (in print).

⁴² Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I—III вв.н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. Азов, 1988. С. 23.

⁴³ Власкин М.В. Золотые зооморфные пряжки из курганного могильника у х. Новый // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Тез. докл. Азов, 1989. С. 29—35.

ярких находок относятся ханьские зеркала⁴⁴, изделия полихромного «золото-бирюзового» стиля, выполненные в типично бактрийской манере⁴⁵, парфянская резная кость⁴⁶. Эти находки на Нижнем Дону уже насчитываются десятками. В связи с обилием предметов восточного происхождения в курганах сарматской знати на Нижнем Дону встает вопрос о путях проникновения этих изделий в могилы кочевников.

В археологической литературе упоминания о находках у сарматов восточных изделий нередко сопровождаются цитатой из Страбона о том, что верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев»⁴⁷. Однако дословный перевод цитированного отрывка (Страбон. XI. V. 8), по мнению Ю.Г. Виноградова, не дает оснований утверждать о занятии торговлей непосредственно аорсов, а содержит информацию о том, что это сарматское племя лишь конвоировало караваны за здю⁴⁸. Не будучи текстологом, замечу, что подобная интерпретация приведенного выше отрывка вполне соответствует замечанию Страбона (XI. II.2) о непригодности сарматов к торговле и снимает, таким образом, противоречия в тексте древнего автора.

Показателен состав находок восточного происхождения в сарматских могилах. Преобладают ювелирные изделия и предметы торевтики: драгоценное оружие, ритуальные сосуды, поясные наборы, гривны, браслеты, как правило, украшенные мифологическими или эпическими сюжетами. Иконографический материал из Коммагены, Парфии, Кушанского царства и архаические тексты свидетельствуют о том, что подобные изделия относятся к числу сакрально-инвеститурных у иранцев и не могли быть предметами торговли. Источником, из которого сарматы могли черпать восточные инсигнии власти, вероятно, были сокровищницы храмов или дворцов Северной Бактрии, ставшие добычей кочевников. Среди остатков приношений в храмово-дворцовых комплексах Еркургана⁴⁹, Дальверзина⁵⁰, Тахти-Сангина⁵¹ наряду с произведениями греко-бактрийского искусства были найдены и изделия золото-бирюзового стиля. Вероятно, из подобных сокровищниц происходят также вавилонские и ахеменидские печати, обнаруженные в погребениях сарматской знати: в Косике⁵², ст. Тбилисской⁵³, Соколовой могиле⁵⁴.

Не исключено, что часть изделий так называемого «сарматского полихромно-бирюзового звериного стиля» была выполнена бактрийскими мастерами специально для вождей кочевых племен Средней Азии. Очевидно, вывод Е.Е. Кузьминой о существовании в доэллинистической Бактрии ремесленных центров, изготавливавших художественные изделия «для удовлетворения нужд

⁴⁴ Guguev V., Ravich I., Treister M. Han Mirrors and their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe // Bull. of the Metals Museum. 1991. 16. P. 32—50.

⁴⁵ The Treasures of Nomadic Tribes... P. 95, № 99; P. 102—107, № 108—119; P. 110—112, № 128—131; *Беспалый*. Ук. соч. С. 179—188. Рис. 3—12.

⁴⁶ Гудименко И.В. Работы I Приморского археологического отряда в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990. С. 8. Рис. 1, 4.

⁴⁷ См., например: Лукьяшко С.И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 161.

⁴⁸ Устное сообщение. Пользуясь случаем, приношу Ю.Г. Виноградову благодарность за полученную консультацию.

⁴⁹ Сулейманов Р.Х. Произведения искусства из раскопок Еркургана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. Табл. СXXXVII, 9.

⁵⁰ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982. С. 218—219.

⁵¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 199. Илл. 38.

⁵² Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья, М., 1989. С. 10.

⁵³ The Treasures of Nomadic Tribes ... P. 53, № 23.

⁵⁴ Ковпаненко. Ук. соч. С. 103. Рис. 108.

степей»⁵⁵, справедлив и для более позднего времени вплоть до римской эпохи. Можно предположить, что подобно тому как греческие мастера Северного Причерноморья изготавливали ювелирные украшения и предметы торевтики по заказу скифской знати, мастера-бактрийцы выполняли заказы вождей саков, юзлжей, сарматов. Отсюда, вероятно, происходит единство золото-бирюзового стиля при значительном разнообразии персонажей: от сибиро-алтайской и среднеазиатской фауны до греко-бактрийского пантеона.

В заключение кратко остановлюсь на некоторых проблемах, непосредственно относящихся к интерпретации рассматриваемого комплекса, — происхождении среднесарматской культуры и связанной с ней теме ранних алан. Отчетливая струя восточных импортов и инноваций, демонстрирующих определенные связи с культурами пазырыкского типа, привела ряд авторов к заключению о том, что среднесарматская культура носила преимущественно миграционный характер и тождественна племенному союзу алан, «прежних массагетов», вторгшихся в Северное Причерноморье из Центральной Азии⁵⁶.

Данная трактовка генезиса среднесарматской культуры представляется несколько упрощенной, о чем свидетельствует ряд фактов. Прежде всего отсутствуют диагностические черты среднесарматского культурного комплекса (составные курильницы, диагональные погребения и т.п.) на рубеже н.э. в Средней Азии, откуда бесспорно происходит основная струя восточных импортов. Кроме того, создается впечатление, что среднесарматская культура по всему ареалу — от Казахстана до Приднепровья — распространяется практически одновременно с I в.н.э. Очевидна также определенная генетическая преемственность на стыке ранне- и среднесарматской культур, по крайней мере в Волго-Донском междуречье⁵⁷. И наконец, имеется некоторое хронологическое несоответствие между оформлением среднесарматского культурного комплекса около рубежа н.э. и появлением алан в качестве политической силы в Северном Причерноморье во второй половине I в.н.э.⁵⁸ Представляется, что у нас нет достаточных оснований исключить из числа носителей среднесарматской культуры аорсов, чье активное участие в событиях первой половины I в.н.э. на Боспоре и прилегающих территориях надежно зафиксировано источниками. В этой связи конкретная этническая атрибуция ряда эталонных комплексов среднесарматской культуры, таких, как «Соколова Могила», Жутово (курган 28), Алитуб (курган 26), Садовый курган, продолжает оставаться дискуссионной.

Новые черты в погребальной обрядности средних сарматов: выжженные площадки на древнем горизонте, специальные конструкции из выкидов, часто с тайниками, в насыпи курганов, квадратные могилы с ярусными перекрытиями, ящики-гробницы, имитирующие срубы, ритуальное расчленение вещей в составе так называемых «даров», наличие повозок, характерных для могил знати, — нельзя рассматривать в отрыве от процесса усложнения социальной стратификации номатов. Появление этих новаций, совпавшее по времени с распространением предметов сарматского звериного стиля, как представляется, было вызвано реинициацией культов солярно-вегетативного цикла, развитием архаичного иранского мифологического пласта. Этот феномен среднесарматской культуры, возможно, в значительной степени был вызван непосредственными контактами

⁵⁵ Кузьмина Е.Е. Бактрия и эллинистический мир в эпоху до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 199.

⁵⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии... С. 127—130; Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: Восток — Запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 126—128.

⁵⁷ Безуглов, Гугуев. Ук. соч. С. 23 сл.

⁵⁸ Мошкова М.Г. Понятие «археологическая культура» и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологии. С. 105.

номадов с переднеазиатскими очагами иранской идеологии. О наличии таких контактов свидетельствует характер основной массы восточных изделий, обнаруженных в курганах сарматской знати I — первой половины II в.н.э. Волго-Донского междуречья. Вероятно, в ходе кочевой экспансии имела место непосредственная инфильтрация ираноязычных номадов Средней Азии в состав сарматских орд. Этот процесс способствовал созданию уникальных черт средне-сарматской культуры.

В.К. Гугуев

КОБЬЯКОВО BARROW

*(On the Oriental Influence to the Sarmatian Culture
of the I — early II century A.D.)*

V.K. Guguev

The barrow 10 of the Kobyakovo tumuli group is the only un plundered one among the burials of the highest Sarmatian nobility of the Sower Don basin.

A lot of articles including the Roman and Eastern imports were found in the grave of a young woman. Among them were such insignia of power as gold diadem and turquoise-incrusted torque with the mythological sujets. No less significant are the gold turquoise-inland bracelets ornamented in the «animal» style, gold ring and phalerae with lion masks, Hang mirror and other finds typical to the richest Sarmatian barrows.

According to the author's opinion the most probable date of the grave is the second half on the I — early II century A.D. In the conclusion the author considers the origin of the Middle Sarmatian culture and the problem of it's ethnic interpretation.